

Дигитализация права: проблемы и перспективы¹

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы, которые связаны с цифровизацией правовой среды и некоторых видов юридической деятельности. К их числу относится возрастание электронного документооборота, так называемое «электронное правосудие», электронно-коммуникативные технологии в законотворческой и правоприменительной деятельности. Обосновывается тезис о неизбежности трансформации правовой системы под воздействием информационно-коммуникативных технологий. Показывается опыт некоторых зарубежных стран, в которых технологии четвертой промышленной революции применяются достаточно давно. Очерчиваются проблемы, которые возникают с применением цифровых технологий в юридической сфере. Отмечается роль цифровой информации и ее значение для принятия управленческих решений. Отражаются изменения, связанные с правовыми формами деятельности государства. Делаются прогнозы относительно развития системы права и системы законодательства, профессии юриста и некоторых видов юридической деятельности в ближайшей временной перспективе. Обосновывается тезис о том, что развитие технологий является едва ли не главным фактором конкурентоспособности современного государства.

Ключевые слова: право, государство, правовая система, система права, система законодательства, технологии, цифровизация, юриспруденция.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.011-018

С 2000-х гг. мир переходит к VI технологическому укладу, или к четвертой промышленной революции. Разумеется, этот процесс не везде идет одинаково. Мы вступаем в так называемую цифровую эпоху, которая может изменить и уже серьезно меняет наш мир. В некоторых сферах несколько впереди оказались страны Юго-Восточной Азии, и прежде всего Китай. Серьезные прорывы в этом направлении имеются и в США, странах ЕС. Например, на сегодняшний день Китай обгоняет США по объему электронных платежей в 50 раз. В течение

полутора-двух лет Поднебесная планирует отказаться от денег в их привычном выражении. Это, конечно же, не говорит о том, что самая передовая держава затормозила свое развитие. Просто цифровые технологии шире входят в быт тех стран, которые когда-то относили к третьему миру. Но эти государства сейчас так серьезно продвинулись, что прежние характеристики уже не соответствуют действительности. Есть и еще один фактор, который создает впечатление опережающего развития «азиатских тигров». Прежде всего динамика изменений, которые

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-29-16114.

© Корнев А. В., 2019

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Lab.ktgp@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

поражают воображение. В этом географическом регионе наблюдается взрыв пассионарности (в терминологии Л. Н. Гумилева). Многие страны веками пребывали в состоянии экономической спячки. Но все изменилось во второй половине XX в. В некоторых странах Юго-Восточной Азии к руководству пришли люди, которые стали внедрять западные модели организации экономической деятельности и делать ставку на развитие технологий. Не стоит забывать, что первой страной, которая перешла на западную модель экономики, была Япония. Она стала проводить масштабные изменения еще в первой трети XIX в. Поражение в Русско-японской войне 1905 г. можно объяснить тем, что правящие круги Российской империи воспринимали Японию, руководствуясь прежними стереотипами о ней как о замкнутой, отсталой, аграрной стране. К слову сказать, историческое развитие Японии давало к этому определенные поводы. Военные правители Японии — сёгуны из династии Токугава — практически на 300 лет закрыли страну от внешнего мира. Ни один японец фактически не мог покинуть страну, и ни один иностранец не имел легальной возможности посетить ее. Конечно, это не способствовало развитию страны, и положение дел со временем было исправлено. Не стоит забывать, что еще каких-то 40—50 лет тому назад Япония по уровню технологического развития была впереди планеты всей. Однако США все сделали для того, чтобы несколько придержать Японию. И надо сказать, что им это удалось.

Сейчас в научной литературе встречается много терминов, словосочетаний, конструкций, которые пока не имеют общепринятого значения. К таким категориям, безусловно, относят цифровую экономику, которая, как считают некоторые исследователи, является продолжением информационной экономики. Такой подход имеет как своих сторонников, так и оппонентов. Последние не без некоторых оснований в этих категориях видят определенное преувеличение. Они отмечают некоторую искусственность

вышеназванных конструкций. Информация, как и цифра, не меняет природу экономических отношений. Изменения касаются, по их мнению, лишь формы.

Надо сказать, что такая логика не лишена оснований. Информация, пусть и в цифровой форме, принципиально не трансформирует характер создания новых ценностей. Она лишь вносит определенные технологические новшества в сам характер производства и обмена товарами, более широко — благами. Однако стоит согласиться с тем, что информационная экономика является коммуникационной структурой и технической основой для последующей цифровой трансформации.

Высказывается мнение, что «...цифровую экономику, вырастающую на базе информационной экономики, можно определить как ее продолжение в новом качестве после беспрецедентного технологического прорыва в результате четвертой промышленной революции»².

В процессе четвертой промышленной революции производство развивается за счет познавательной деятельности человека. «... Четвертая промышленная революция связана не только с умными и взаимосвязанными машинами и системами, ее спектр действия значительно шире. Одновременно возникают волны дальнейших прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений. Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих революций»³.

В современных условиях практически любые решения принимаются на основе цифровой информации — вот главный конек информационной и цифровой экономики. В своей основе она усиливает эффекты от работы с ценовой информацией и открывает новые возможности, снижает рыночные барьеры и предлагает новые

² Сафрончук М. В. Цифровая поступь революции (четвертая промышленная революция и цифровая трансформация) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 11. Т. 5. С. 52.

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2019. С. 16—17.

принципы координации. В ближайшее десятилетие на формирование цифровой экономики в мире будет оказывать влияние использование технологий больших данных, искусственного интеллекта, интернета вещей и для вещей, распределенного хранения и обработки данных, а также облачных, аддитивных, в организации бизнеса — платформенных⁴.

На наших глазах может сформироваться и уже формируется совершенно новая социальная реальность. Перед наукой могут возникнуть проблемы, на которые она, казалось бы, давно дала ответы. Например, расшифровка генома человека, а также соединение биологического с технологическим вновь может поставить проблему человека, причем не только в философском, социологическом, но и в правовом аспекте. Актуализируются вопросы совершенно другого понимания таких категорий, как субъект права, правоспособность, дееспособность и пр. За счет вживления чипов в ткань можно управлять здоровьем человека, избавлять его от многих заболеваний, включая наследственные. Однако возникает опасность внешнего управления самим человеком. Все это может поставить множество проблем перед «классической юриспруденцией».

Констатируется следующий тезис: «Фактически наука развивается такими темпами, что на пути прогресса встают уже не технические, а юридические, нормативные и этические ограничения. Самые сложные проблемы, связанные с разработкой социальных норм и соответствующих нормативных актов, возникают именно в сфере биологии. Перед нами встают новые вопросы, связанные с тем, какое значение это имеет для человека, какие данные о нашем теле и состоянии здоровья могут или должны быть опубликованы и какие права и обязанности возникают у нас с вами в связи с изменением генетического кода будущих поколений»⁵.

В связи с этим ряд основополагающих статей Конституции Российской Федерации несколько утрачивают смысл, назначение, если угодно охранительный характер. Например, ст. 2 — «Че-

ловек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Возникают вопросы и с реализацией положений ст. 21, которая гласит: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». В современных условиях проблематичной становится и ст. 23 Конституции РФ: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». Статья 24 утверждает положение о том, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается».

Очевидно, что в условиях электронно-информационной среды некоторые права и свободы защитить будет очень сложно. Здесь могут конкурировать интересы личности, общества и государства. К примеру, личные сведения о гражданине хранятся в базах данных различных структур, получить доступ к которым продвинутым пользователям не составляет никакого труда. По факту это создание благоприятных условий для всех видов мошенничества уже сегодня, а что же будет завтра, если сведения о гражданине и человеке будут содержать данные, которые они по разным причинам не хотели бы предавать огласке. Например, перспектива создания электронных паспортов, которые фактически будут содержать всю информацию о человеке. Конфиденциальность сведений не может быть гарантирована, а значит, ими может фактически пользоваться любой желающий в самых разных целях, не исключая, естественно, криминальные. В силу этого в настоящее время очень остро стоит проблема обеспечения сохранности баз данных. К примеру, крупнейшие банки мира регулярно подвергаются хакерским атакам, и даже они не могут гарантировать абсолют-

⁴ Основы цифровой экономики / под ред. М. И. Столбова, Е. А. Бренделевой. М., 2018. С. 31.

⁵ Шваб К. Указ. соч. С. 35—36.

ную безопасность сведений о своих клиентах и об их вкладах.

В перспективе многие привычные нам институты могут измениться до такой степени, что потребуют совершенно другой интерпретации, включая правовые аспекты. Статья 38 Конституции РФ закрепляет: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Любопытно, что материнство находится под защитой государства, а отцовство почему-то нет. Ученые могут к 2025 г. создать искусственную печень. Примерно к этому же времени планируется создать искусственную матку и искусственный сперматозоид. Прогнозируется, что к 2075 г. примерно 70—75 % детей будут создаваться в искусственной среде. Появится возможность создавать так называемых «дизайнерских детей» с предпочтительными физическими и биологическими данными. И как в этих условиях быть с категориями «мать», «отец», «семья», которые помимо святого, поистине сакрального библейского смысла, имеют еще и юридическое значение? Очевидно, что вся система правового регулирования может претерпеть серьезные изменения. Не исключено, что встанет проблема разработки совершенно нового понятийно-категориального аппарата юридической науки и практики.

Основным элементом правовой системы является субъект права. В этой связи может возникнуть ряд проблем. Беспилотные автомобили, самолеты, поезда, роботы-врачи, искусственный интеллект, искусственные люди потребуют коренного пересмотра привычных юридических категорий и создания новых.

По всей видимости, изменится представление об обществе, о характере социальных коммуникаций и т.д. Правовая сфера традиционно предполагает физический контакт субъектов права. Как отмечает Клаус Шваб: «Цифровая революция создает радикально новые подходы, коренным образом изменяющие способ взаимодействия и сотрудничества между отдельными людьми и учреждениями. Например, цепочка блоков, известная как «распределенная база данных», является безопасным протоколом,

в рамках которого сеть компьютеров коллективно заверяет сделку до ее регистрации и подтверждения. Технология, на которой основана цепочка блоков, создает условия для доверия, давая возможность между собой незнакомым людям (которые, таким образом, не имеют оснований доверять друг другу) взаимодействовать, минуя нейтральный центральный орган, то есть банк-кастодиан (банк, осуществляющий хранение ценных бумаг и иных финансовых активов клиентов, а также управляющий этими ценными бумагами. — А. К.) или центральный регистр»⁶.

В настоящее время самым известным приложением цепочки блоков является Bitcoin, однако в ближайшее время с развитием новых технологий будет создано много других технологий. Этот процесс будет постоянным. Если сегодня технология цепочки блоков регистрирует финансовые сделки с цифровыми валютами, то в недалеком будущем она будет выполнять роль регистратора самых различных документов юридического характера — от свидетельств о рождении до свидетельств о смерти. Любой вид сделки, которая может быть закодирована, будет регистрироваться таким образом.

Это и есть, по сути, то, что принято в последнее время называть цифровизацией права.

Необходимо отметить, что в эпоху четвертой промышленной революции меняется представление и о государстве. Уже в период третьей промышленной революции (примерно с 1960-х гг.), то есть с развития полупроводников, больших ЭВМ, персональных компьютеров и сети Интернет (начиная с 90-х гг. прошлого столетия) государство, оставаясь организацией политической власти в масштабах всего общества, видоизменяет формы своей деятельности. В последние годы все чаще стало использоваться такое понятие, как «электронное государство». В самом общем виде его образ обозначен в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы», утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203⁷. В литера-

⁶ Шваб К. Указ. соч. С. 32.

⁷ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

туре встречаются различные попытки сформулировать понятие электронного государства, которое «...есть политико-правовой феномен, определяющий современный формат взаимодействия государства с обществом на основе использования современных информационных коммуникаций. Электронное государство включает в себя такие элементы, как: электронное правительство, электронное правосудие и электронная демократия»⁸.

Соответственно, электронное правительство представляет собой осуществляемую посредством применения информационно-коммуникационных технологий модель деятельности исполнительных органов государственной власти, муниципальных органов власти и институтов гражданского общества по взаимодействию с населением, нацеленную на повышение уровня оперативности, снижение материальных затрат и удобство получения организациями и гражданами государственных, муниципальных и иных услуг, оказываемых в электронной форме.

Электронная демократия определяется как форма народовластия, при которой воля народа в правотворческом и избирательном процессах выражается при помощи информационных технологий, направленная на поддержку институтов гражданского общества, а также на значительное снижающее влияние административного управленческого фактора в процессе принятия нормативных правовых актов и государственно значимых решений.

Электронное правосудие есть особая форма осуществления государственной деятельности по рассмотрению и разрешению различных категорий дел в электронной форме, включая подачу заявления и прилагаемых к нему документов в электронном виде, ведение судебного процесса с помощью информационных технологий, в том числе вынесение решения по делу, передача его сторонам по электронным сервисам связи и размещение судебной документации на сайтах судов⁹.

Подобная точка зрения, не лишенная оснований, все-таки не может быть безоговорочно принята. Безусловно, информационно-электронные коммуникации меняют формы и методы функционирования традиционных институтов, каковыми являются государство и право. Но это скорее техническая сторона дела. Трудно согласиться с тем, что электронное государство представляет собой «политико-правовой феномен», если использовать эту конструкцию в привычном значении. Феномен означает явление, данное нам в опыте, постигаемое при помощи чувств. Как известно, Кант ввел понятие ноумена, который является полной противоположностью феномена, поскольку остается за пределами человеческого опыта и соответственно недоступен человеческому созерцанию.

Если взаимодействие власти с населением приобретает формат информационных коммуникаций, то неизбежно исчезает эффект «физического контакта» индивида и того, кто принимает решение. В этом случае техническая сторона дела явно доминирует, поэтому именовать современное государство политико-правовым феноменом не совсем правильно. Скорее это симбиоз технологий и власти. Вошедшее в оборот словосочетание «машина власти» в буквальном смысле наполняется другим содержанием и из метафоры превращается в реальность.

Если интерпретацию электронной демократии и электронного правосудия можно принять с известными оговорками, то дефиниция электронного правительства не выдерживает никакой критики. Какое же это правительство, если в качестве субъектов взаимодействия в формате информационно-коммуникативных технологий с одной стороны представлены исполнительные органы власти, муниципальные органы власти и институты гражданского общества (!), а с другой — население? Не совсем понятно, почему в структуру правительства необходимо включать органы местного самоуправления, и уж тем более институты гражданского общества.

⁸ Киселев А. С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2018. С. 9.

⁹ Киселев А. С. Указ. соч. С. 10.

Все эти подходы так или иначе отражают некоторую искусственность многих конструкций, которые стали активно обсуждаться в публичном пространстве, в том числе и в юридической науке и практике. Информационно-электронная среда активно завоевывает пространство, включая правовое. К примеру, ряд законопроектов, разработанных в Государственной Думе, уже составлен на языке программирования. Использование технических возможностей значительно облегчает подготовку законопроектов, позволяет делать их максимально лаконичными, согласованными, непротиворечивыми и беспробельными. Проявление всех этих недостатков все равно будет связано с так называемым человеческим фактором. До появления искусственного интеллекта в полном смысле этого слова еще минимум 50—60 лет. До этого времени в отношениях человек-машина будет господствовать человек. Да и в дальнейшем он вряд ли откажется от своей власти над действительностью, какую бы форму она ни принимала.

Современное российское понимание так называемого электронного правосудия, как показывает анализ литературы, свидетельствует о том, что в нем делается акцент на технической стороне дела. То есть обычно пишут об электронной форме подачи заявлений, фиксации материалов судебных заседаний, оповещении участников дела, размещении решений судов на соответствующих сайтах и т.д. Между тем во многих странах уже пошли дальше. В Англии, например, разработаны программы, которые позволяют решать многие категории дел по существу. Иными словами, в машину закладывается фабула дела и на основе массива статутного и прецедентного права она выдает решение. Автоматизация правосудия набирает обороты. Сеть позволяет осуществлять контакты без физического взаимодействия. В этом процессе есть как свои минусы, так и свои плюсы.

Например, многие правоустанавливающие документы сегодня хранятся в электронной форме. Чтобы получить его в «бумажном» варианте, необходимо заплатить определенную сумму.

Граждане, как правило, предпочитают иметь документы в традиционной форме. Во-первых, в силу инерции. Во-вторых, бумажный вариант представляется более надежным носителем. Информационно-электронная среда подвергается и будет подвергаться значительным рискам, вплоть до полного уничтожения информации. Общество с некоторым опасением относится к нововведениям. Это одна сторона вопроса. Вторая же заключается в том, что по уровню доступа к Интернету Российская Федерация явно не в числе лидеров. Особенно эта проблема касается сельского населения. Да и потом, уровень «цифровой» грамотности все еще оставляет желать лучшего.

Юридическая сфера, как и другие, в скором времени будет подвергаться еще большей автоматизации. Темпы будут только нарастать. Экспертное сообщество прогнозирует, что в ближайшие 15—20 лет 47—50 % профессий будут полностью автоматизированы. В перспективе может серьезно измениться сам характер юридической деятельности, профессия юриста в целом. Единства мнений тут нет. Одни говорят о постепенном отмирании юриспруденции как профессии, другие придерживаются противоположной точки зрения. К числу вторых относится Энтони Аткинсон, известный ученый-экономист, специалист в области распределения доходов в современном мире. По его мнению, рабочие места с высоким риском автоматизации находятся преимущественно в офисном, управленческом и торговых секторах, а также в сфере услуг. К группе низкого риска относятся рабочие места в сферах здравоохранения, образования, науки, юриспруденции, искусства, муниципальных услуг и средств массовой информации. Это естественно, считает он, ибо в этих профессиях важны такие человеческие качества, как общительность, отзывчивость, нестандартность мышления, а также умение убеждать и договариваться¹⁰.

Правда, так думают далеко не все. Например, Крис Скиннер не без удовольствия утверждает: «Сочетание распределенных ре-

¹⁰ Аткинсон Э. Неравенство. Как с ним быть? М., 2018. С. 177.

¹¹ Скиннер К. Цифровой человек. М., 2019. С. 112.

естров и искусственного интеллекта приведет к пересмотру правовой сферы и к ее дигитализации — юристы станут не нужны. Прекрасно, правда?»¹¹

Профессии традиционно делят на физические (мануальные) и когнитивные. В первом случае доминирует физический труд и делается акцент на трудовые навыки. В когнитивных профессиях преобладают элементы творчества, нестандартность мышления, креативность.

Но даже нетворческое содержание профессии юриста оставляет ее востребованной в будущем. Никакие компьютеры, включая квантовые, не в состоянии понимать содержание таких категорий, как гуманизм, справедливость, добрая совесть, этика, мораль, нравственность, свобода, ответственность. Без всего этого правовое регулирование невозможно. Если, конечно, человечество не откажется от тех институтов, которые придают смысл всякой человеческой деятельности и лежат в основе нашей жизни.

Право — явление цивилизации и культуры, один из фундаментов общества. Оно обречено следовать за теми процессами, которые будут происходить сегодня и завтра. В принципе, право в настоящее время не только у нас, но и в технологически развитых странах пока отстает от темпов четвертой технологической революции. Эта проблема, которая стоит на повестке дня и ждет своего решения. Не надо бесконечно повторять тезис об отставании правового регулирования от технологических преобразований. Иногда их нужно тормозить, например в биотехнологиях. Не все, конечно. Но это тема отдельного разговора.

Таким образом, современные технологии неуклонно преобразуют действительность. Соединение физического, биологического и цифрового миров создает новую реальность, в которой праву предстоит играть ту же привычную роль, но уже в других, преимущественно цифровых формах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аткинсон Э.* Неравенство. Как с ним быть? — М., 2018. — 536 с.
2. *Киселев А. С.* Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Белгород, 2018. — 22 с.
3. *Сафрончук М. В.* Цифровая поступь революции (четвертая промышленная революция и цифровая трансформация) // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2017. — № 11. — Т. 5 (71). — С. 52—56.
4. *Скиннер К.* Цифровой человек. — М., 2019. — 304 с.
5. *Столбова М. И., Бренделева Е. А.* Основы цифровой экономики. — М., 2018. — 238 с.
6. *Шваб К.* Технологии четвертой промышленной революции. — М., 2018. — 320 с.
7. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. — М., 2019. — 209 с.

Материал поступил в редакцию 6 мая 2019 г.

DIGITALIZATION OF LAW: CHALLENGES AND PROSPECTS¹²

KORNEV Arkadiy Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Lab.ktgp@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article deals with the problems associated with digitalization of the legal environment and some types of legal activities. The problems under consideration include the increase in electronic document flow, the so-called «electronic justice», electronic communication technologies in legislative and law enforcement activities. The author substantiates the premise concerning the inevitability of transformation of the legal system under the influence of information and communication technologies. The article describes the experience of some foreign countries where the technologies of the Fourth Industrial Revolution have been used for quite a long time. The problems that arise due to the use of digital technologies in the legal sphere are outlined. The author highlights the role of digital information and its importance for managerial and administrative decision-making and maps changes associated with legal forms of the activity of the State. Predictions are made regarding the development of the legal system and the system of legislation, legal profession and some types of legal activities in the short term. The author substantiates the premise that the development of technologies is almost the main factor of competitiveness of a modern State.*

Keywords: law, State, legal system, system of law, system of legislation, technology, digitalization, jurisprudence.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Atkinson E. Neravenstvo. Kak s nim byt'? — M., 2018. — 536 s.
2. Kiselev A. S. Formirovanie idei elektronnoho gosudarstva i osobennosti ee realizacii: teoretiko-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Belgorod, 2018. — 22 s.
3. Safronchuk M. V. Cifrovaya postup' revolyucii (chetvertaya promyshlennaya revolyuciya i cifrovaya transformaciya) // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. — 2017. — № 11. — T. 5 (71). — S. 52—56.
4. Skinner K. Cifrovoj chelovek. — M., 2019. — 304 s.
5. Stolbova M. I., Brendeleva E. A. Osnovy cifrovoj ekonomiki. — M., 2018. — 238 s.
6. Shvab K. Tekhnologii chetvertoj promyshlennoj revolyucii. — M., 2018. — 320 s.
7. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya. — M., 2019. — 209 s.

¹² The article was prepared with the support of RFBR, project No. 18-29-16114.